

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

Специальность 40.05.02 Правоохранительная деятельность,
специализация № 1 «Оперативно-розыскная деятельность»,
узкая специализация «Деятельность подразделений по контролю
за оборотом наркотических средств и психотропных веществ органов
внутренних дел»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

по теме:

**Современное российское уголовное судопроизводство:
тенденции, проблемы, перспективы развития**

Выполнил:
слушатель группы П 1702
Пашков Александр Владиславович

Решение о допуске к защите:
к защите допускается

Руководитель:
Профессор
кафедры уголовного процесса
кандидат юридических наук,
доцент
Калугин Алексей Геннадьевич

Начальник кафедры
уголовного процесса
полковник полиции
А.Б. Судницын
«19» мая 2022 г.

Дата защиты:
«28» 06 2022 г.

Оценка: хорошо
Председатель ГЭК
полковник полиции
(специальное звание)

А.С. Савельев
(подпись) (инициалы, фамилия)

Красноярск 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	3
Глава 1	Общая характеристика и тенденции развития системы уголовного судопроизводства в Российской Федерации	6
§ 1.1	Общая характеристика и оценка текущего состояния уголовного судопроизводства в Российской Федерации	6
§ 1.2	Тенденции развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации	12
Глава 2	Проблемы современного уголовно-процессуального законодательства РФ и пути их решения	20
§ 2.1	Характеристика отдельных проблем уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации	20
§ 2.2	Пути и способы устранения недостатков уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации	33
Глава 3	Перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, использования зарубежного опыта	37
§ 3.1	Определение направления и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации	37
§ 3.2	Возможности и перспективы внедрения зарубежного опыта в отечественный уголовный процесс	43
	Заключение	54
	Библиографический список	57

ВВЕДЕНИЕ

С момента зарождения общества люди нуждались в правилах его функционирования, средствах недопущения их нарушения отдельными представителями этого общества. Одновременно с возникновением первоначальных общественных структур возникали и деяния, наносившие этим структурам вред. В настоящий момент имя этим деяниям – общественно опасные и общественно вредные. С ростом цивилизованности и сложности структуры устройства человеческого общества возникали все новые институты, обеспечивающие желаемые спокойствие, защиту и условное восстановление справедливости. В современном обществе одним из таких институтов является уголовное судопроизводство.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что качество жизни людей в целом напрямую зависит от реального положения вещей в части урегулирования взаимодействия государства и граждан, а также различных государственных органов между собой. В силу обозначенной важности данной сферы несложно предположить исключительную сложность в правовой регламентации особенностей ее функционирования, особенно в рамках рассмотрения новых тенденций, проблем и перспектив развития данной сферы. Относительно уголовно-процессуальной системы Российской Федерации в настоящий момент можно отметить определенную динамику, но вот на вопрос о направленности этого движения в сторону прогресса или деградации правовой системы – нам придётся ответить по ходу исследования.

Проблемы, связанные с реальным применением уголовно-процессуальных норм и их общей теоретической обоснованностью, являются актуальными как для науки уголовного процесса, так и для правоприменительной деятельности государственных органов, а также

граждан, непосредственно сталкивающихся с этой сферой. Они обусловили *актуальность темы* данного исследования: «Современное российское уголовное судопроизводство: тенденции, проблемы, перспективы развития».

Теоретическая разработанность темы. В отечественной юридической литературе вопросам тенденций развития современного российского уголовного процесса посвящено немало работ. Вместе с тем, в условиях динамичного изменения самого общества и развития уголовно-процессуального законодательства в России и в мире данная тематика требует нового осмысления. Это обусловило появление большого количества научных исследований, в числе которых следует назвать работы А.С. Александрова, А.Г. Волеводза, Л.М. Володиной, В.П. Лаврова, И.В. Овсянникова, А.В. Победкина, А.П. Попова, А.И. Ситникова, Н.Г. Стойко, А.Б. Судницына, С.В. Супруна, В.Т. Томина, А.А. Торковкова, Ю.К. Якимовича и многих других.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе применения уголовно-процессуального законодательства.

Предмет исследования составляют нормы уголовно-процессуального законодательства и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих уголовное судопроизводство, отдельные нормы зарубежного уголовно-процессуального права, а также следственная и судебная практика по уголовным делам.

Целью данной работы является оценка тенденций, проблем и векторов развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, а также вынесение собственных предложений по оптимизации и решению проблем процессуального законодательства данной сферы.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих ***задач***:

- дать общую характеристику современному состоянию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации;
- определить тенденции развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации;
- выделить наиболее острые проблемы современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации; способы и пути их разрешения;
- определить направления и перспективы дальнейшего развития системы уголовного судопроизводства Российской Федерации;
- оценить возможность внедрения зарубежного опыта в отечественный уголовный процесс.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: формально-логический (индуктивный, дедуктивный, синтез, анализ), диалектический, а также частно-научные методы: юридический компаративный анализ (исторический аспект), системно-структурный, социологические методы (наблюдение, опрос).

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, нормы международного права, нормативные правовые акты зарубежных стран.

Эмпирическая база исследования включает в себя опубликованную судебную практику Верховного Суда Российской Федерации, решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Структура выпускной квалификационной работы обусловлена указанными целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1.1. Общая характеристика и оценка текущего состояния уголовного судопроизводства в Российской Федерации

Многие из сфер деятельности общества только набирают свою значимость для качества жизни современных людей. К примеру, в работе экономистов Я.В. Ядгарова, В.А. Сидорова и В.В. Ильинова¹ обращается внимание, что Российская Федерация не так давно перешла к рыночной системе товарооборота и множество новых форм общественных отношений в этой среде все еще требуют модернизации и усовершенствования. Сложно не согласиться с ними, но стоит также обозначить, что этот процесс займёт определенный промежуток времени.

Предпосылки реформирования законодательства в части регламентации уголовных и уголовно-процессуальных отношений детерминированы, в первую очередь, общественной обстановкой, политическим строем и сопутствующими с ними факторами.

Совершенно очевидным является то, что различные общественные отношения или формы поведения людей в разные периоды времени являлись как законными, так и диаметрально противоположными букве закона. Одним из наиболее ярких примеров, демонстрирующих детерминированность правовых норм, служит не действующая ныне статья 158 УК РСФСР 1960 г. «Спекуляция». Согласно данной норме скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы наказывались лишением свободы до двух лет, за ту же деятельность в виде промысла или крупном размере наказание было возможно от двух до семи лет лишения

¹ Ядгаров, Я.С. Развитие рыночной экономики в России / Я.С. Ядгаров, В.В. Сидоров, В.В. Ильин // Российской экономической вестник. – 2019. – № 4. – С. 88-109.

свободы. Для нас сегодня это может показаться дикостью, ведь сейчас это совершенно нормальный, даже приветствующийся обществом род деятельности. Множество государственных высших учебных заведений, курсов и частных школ обучают этому виду деятельности целенаправленно, а всего тридцать лет назад (до отмены в начале 90-х годов XX века) это являлось преступлением. Независимо от прошлого устройства сфер жизни совершенно ясно, что в настоящий момент в России есть система конкретных правовых норм, регулирующих, в том числе, общественные отношения, возникающие в плоскости уголовного и уголовно-процессуального права, и роль государства в этом умалить сложно.

В ныне действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) нормы, касающиеся, к примеру, стадии возбуждения уголовного дела, неоднократно подвергались существенной переработке. В них включены некоторые положения, ранее не известные отечественному уголовно-процессуальному законодательству. Но новеллы не решили проблем, присущих начальному этапу уголовного судопроизводства, а, наоборот, в некоторых случаях обострили противоречия, существующие между нормами данного института и практикой его применения. Особенно отчетливо наличие таких коллизий проявляется в повседневной правоприменительной деятельности дознавателей, следователей, которые призваны придавать строго процессуальную форму действиям и решениям, совершаемым и принимаемым по поступившим заявлениям и сообщениям о преступлениях, несмотря на то, что требования к такой форме не всегда регламентированы законом. Одной из проблем деятельности на стадии возбуждения уголовного дела может быть отсутствие в УПК РФ норм, устанавливающих сущность, основания, процедуру получения объяснений при проверке сообщений о преступлениях. Этот и подобные примеры наглядно демонстрируют важность и значимость законотворческой

деятельности и то, как написанное в дальнейшем применяется на практике, а также то, на чем основываются и на что накладываются все последующие нововведения.

Считаем целесообразным также обозначить краеугольные аспекты современного понимания назначения уголовного судопроизводства. Современный российский уголовный процесс и сфера государственного управления обязаны реагировать и реагируют достаточно остро на нарушения законодательства, вот почему чрезвычайно важна законодательная и научная проработанность вопросов понесения виновными заслуженного наказания и соблюдения общественной справедливости. Не менее важно и использование мер уголовно-правового воздействия исключительно в обозначенных выше вопросах наказания и справедливости, с соблюдением пределов, которые служат достижению целей и задач уголовного судопроизводства.²

Практически независимо от степени развитости общества, строгость наказания за содеянное останавливает лишь часть потенциальных преступников. Как справедливо отмечает С.В. Супрун, такая функция уголовного закона, как общепредупредительная проблематична в силу ее наличия лишь в практике применения, но не в самом законе.³

Такие размышления подводят нас к одному из важнейших аспектов современного уголовного судопроизводства, ведь согласно ст. 6 УПК РФ последнее несет в себе двойное назначение:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

² Володина, Л.М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности / Л.М. Володина // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 2 (42). – С. 17.

³ Супрун, С.В. Назначение уголовного процесса и задачи уголовного права / С.В. Супрун // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ.конф. / отв. ред. И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. – Омск, 2017. – С. 187-190; Попов, К.И. Назначение уголовного судопроизводства / К.И. Попов // Вестник Уральского ин-та экономики, управления и права. – 2016. – № 4 (37). – С. 31-33.

2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

По мнению Мозговенко С.М., в общественном сознании существует прочное представление о безнаказанности преступлений, что, соответственно, проистекает из отсутствия страха наказания и последнее перестает играть хоть сколько-нибудь заметную роль в предупреждении преступлений. Автор связывает описанное явление с особенностями развития социально-экономической и криминальной ситуации в России.⁴

Мы вынуждены не согласиться с однозначной формулировкой того, что наличие наказания в современной России «перестало играть хоть сколько-нибудь заметную роль», а также с выводом о сложившемся в обществе представлении о безнаказанности преступлений. Безусловно, во многих ситуациях потенциального правонарушителя не пугает неизбежное наказание, но все же, по нашему мнению, основную массу потенциальных правонарушителей все пугает и останавливает именно наличие наказания и его размер. Вполне естественно, что правонарушитель, соотнеся предполагаемую «выгоду» в результате совершения преступления и «плату», которую он за это отдаст, по нашему мнению, скорее пожелает остаться «при своих».

Одно из главных положений, а именно назначение виновным справедливого наказания и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитация тех, кто подвергся незаконному преследованию, отвечают назначению уголовного судопроизводства в равной степени. Конституция Российской Федерации предусматривает основные ценности, подлежащие государственной защите, вне зависимости от статуса лица в уголовном судопроизводстве, это защита прав и свобод человека.

⁴ Мозговенко, С.Д. Современное назначение уголовного процесса Российской Федерации / С.Д. Мозговенко // Научный журнал NovaUm.Ru. – 2021. – № 34. – С. 93.

Российский уголовный процесс не стоит на месте и переживает процессы реформирования. Так пунктом 1.1, введенным в ст. 108 УПК РФ в 2009 году, был установлен запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, подозреваемых (обвиняемых) по ряду статей УК РФ. Подобные нововведения не стоит считать неожиданными, и предпосылки подобного «развития» правовых институтов известны, их возможно анализировать.

Так в последние годы возникают новые проблемы с лаконичным и грамотным урегулированием порядка производства определенных процессуальных действий в связи с появлением цифровых технологий, информационно-телекоммуникационных систем, в первую очередь, Интернета, и множества новых возможностей, которые эти технологии предоставляют в сфере непосредственного функционирования системы уголовного судопроизводства с его документооборотом и взаимодействием между субъектами.

Проведенное нами анкетирование сотрудников органа дознания и следователей⁵ показало, что наличие или отсутствие проблем с применением уголовно-процессуального законодательства пропорционально стажу и опыту субъекта, применяющего нормы. К примеру, два из трех следователей, чей стаж работы в органах предварительного следствия составил более 5 лет, ответили на вопрос о наличии трудностей в применении процессуального законодательства «Никогда не сталкиваюсь» или «Сталкиваюсь редко», тогда как диаметрально противоположная ситуация наблюдается с сотрудниками, чей стаж менее двух лет, эта категория следователей намного чаще отвечали «Сталкиваюсь в половине расследуемых мной

⁵ Опрос сотрудников органа дознания и следственного подразделения был произведен в рамках преддипломной практики в период с сентября по октябрь 2021 года в отделе полиции № 10 Межмуниципального управления МВД России «Красноярское». В опросе приняли участие 10 респондентов.

преступлений» или «Большая часть случаев применения мной уголовно-процессуальных норм вызывает трудности».

Весьма неожиданным оказалось и то, что с повышением стажа следователей растет и уверенность в избыточной конкретизации норм процессуального права. Большая часть следователей, чей стаж работы в органах предварительного следствия больше 5 лет ответили, что считают уголовно-процессуальное законодательство избыточно конкретизированным, и это усложняет процесс расследования». В свою очередь, чем меньше стаж работы следователя, тем меньше его беспокоит этот аспект. Мы остановимся на результатах проведенного анкетирования и в следующих частях работы, но уже из обозначенного ясно, что проблемы уголовно-процессуального права в России существуют не только в формулировках правовых норм, но и в практике применения этих законодательных положений.

Подводя итог оценке общего состояния системы уголовного судопроизводства в Российской Федерации, следует отметить что уголовно-процессуальное законодательство живет, изменяется, дополняется и совершенствуется практически непрерывно. Ложка дегтя заключается в том, что имеет место немало законодательных решений, призванных решить проблемы, но фактически только усугубляющих их.

Как нам кажется, законодатель не успевает реагировать на постоянно изменяющиеся обстоятельства и возникновение нового, что, в свою очередь, вызвано выбранным (или сложившимся случайно) не самым оптимальным вектором развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. В следующем параграфе мы попытаемся охарактеризовать наиболее существенные тенденции развития системы уголовного судопроизводства в Российской Федерации, в первую очередь, норм уголовно-процессуального законодательства.

1.2. Тенденции развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации

В рамках рассмотрения данного вопроса считаем важным коротко охарактеризовать особенности юридической техники, использованной законодателем в ходе формирования процессуальных норм. Видится, что основная и первоочередная причина потенциального несовершенства процесса расследования любого преступления кроется в законодательном регулировании соответствующих правоотношений. Налицо явная необходимость установить конкретную модель поведения законодателя в части нормотворческой деятельности процессуальных норм.

А.И. Ситников определяет понятие юридической техники как «совокупность правил, приемов и средств разработки, оформления, систематизации, толкования и применения нормативно-правовых актов»⁶. Вполне логично, что реакция законодателя на вновь возникшие, резонансные или раскрывшиеся с новой стороны сферы, в рамках которых могут быть нарушены права граждан или требующие законодательного регулирования, должна происходить своевременно, но в то же время эффективно. Зачастую процесс нормотворчества в новых областях, «куда нога права ещё не ступала», происходит двумя способами:

- 1) изменение общей нормы;
- 2) создание специальных норм (или включение дополнительных специальных положений в уже имеющиеся).

Анализируя положения Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации, можно проследить тенденцию к движению законодателя по второму пути, т.е. путем выделения особых правил для регулирования новых общественных отношений.

⁶ Ситников, А.И. Законодательная текстология уголовного права / А.И. Ситников : монография. – М., 2011. – С. 89.

Для наглядной демонстрации такого подхода юридической техники обратимся к п. 1.1 ст. 108 УПК РФ «Заключение под стражу», согласно которому невозможно применить меру пресечения в виде заключения под стражу к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений предусмотренных рядом «экономических» статей УК РФ. Таким образом, ситуация повторяется и вместо решения вопроса через изменение подхода к общей норме, законодатель прибегает к механическому включению пункта 1.1 в уже имеющуюся структуру.

Схожий подход законодатель применил и для решения процессуальных проблем в вопросах противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. К примеру, в кругах следователей, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, существует такое понятие, как «беспредметный сбыт», что обозначает расследование преступления в условиях отсутствия сведений о его предмете (о самом наркотическом средстве). В постановлениях о возбуждении таких уголовных дел стандартными являются формулировки: «неустановленное лицо в неустановленное время в неустановленном месте сбыло неустановленное вещество неустановленному лицу в неустановленном объёме, тем самым неустановленное лицо совершило преступление, предусмотренное...».⁷ Но есть ли необходимость вообще возбуждать и расследовать такие уголовные дела? Представляется, что именно решение обозначенной проблемы было целью принятия Федерального закона от 5 апреля 2021 г. № 67-ФЗ «О внесении изменения в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому возбуждение уголовного дела по статьям 228.1 и 228.4 УК РФ невозможно без установления вида, массы и наименования средств, веществ, растений, а

⁷ Например, уголовное дело № 12101010001000128, архив ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю.

также достаточных данных, указывающих на их передачу другим лицам. Перед нами не стоит задача оценки правильности и эффективности данного закона. Однако способ нормотворчества через включение специальных положений налицо: законодатель не стал изменять общее правило возбуждения уголовных дел, а включил в общую норму специфическое описание оснований для возбуждения уголовного дела по признакам ст. 228.1 и 228.4 УК РФ.

Отчасти промежуточный вывод из такого наблюдения может состоять в том, что законодатель демонстрирует тенденцию наслаивать все больше и больше пунктов, подпунктов, содержащих исключения из общих правил, усложняющих регулирование уголовно-процессуальных отношений, что, в свою очередь, оказывает непосредственное воздействие на качество расследования и, как следствие, на общее качество жизни граждан.

Современный мир все больше превращается в одно большое глобальное сообщество: популярная культура, кино, музыка, экономика и культура – все это приобретает общие черты или, так или иначе, наличествует в большей части современных государств. Безусловно, одной из следующих тенденций развития уголовного процесса России и мира в целом станет его частичная унификация и стандартизация на мировом уровне. Стоит отметить, что в ближайшем будущем (5-10 лет) очевидность этих процессов будет нарастать, хотя события последних месяцев показывают, что это лишь тенденция, имеющая исторически ограниченный период существования, но не неизбежное будущее. Вероятнее всего, этот процесс теоретически вечен, каждое государство перенимает опыт соседей и часть увиденного внедряет у себя.

К примеру, законодатели России и Белоруссии в первоначальной редакции действующих уголовно-процессуальных кодексов указали, что предварительное расследование проводится в форме предварительного следствия или дознания (ч. 1 ст. 150 УПК РФ; п. 26 ст. 6 УПК Беларуси).

Как обозначает в своей работе Язева Е.Е., Россия и Белоруссия избрали схожие критерии дифференциации форм расследования: это наличие определенных свойств у лица, в отношении которого ведется расследование, тяжесть деяния и сложность установления обстоятельств. Субъектный состав, правомочный производить расследование, несколько отличается, но не кардинально. Сроки предварительного следствия в каждом из кодексов идентичны, но вот сроки производства дознания различаются.⁸ Указанный автор отмечает: «К сожалению, попытки найти оптимальные варианты производства по делу на стадии предварительного расследования в Российской Федерации нельзя признать продуманными как с точки зрения эффективности процедур, так и с точки зрения воплощения этих идей в тексте закона». Сказанное подтверждает сделанный нами выше вывод о том, что российский уголовный процесс находится в поиске наилучших решений, возможно, сейчас он переживает не самые лучшие времена, но видится, что в исторической перспективе оптимальная модель будет выработана.

Одной из характерных тенденций современного этапа развития системы уголовного судопроизводства, причем не только в Российской Федерации, но и во всем мире, следует назвать дифференциацию уголовно-процессуальной формы. И это явление имеет как свои плюсы, так и минусы. По этому поводу обоснованные опасения высказал профессор Ю.К. Якимович: «Не предвидя негативные последствия, законодатель чрезмерно увлекся дифференциацией уголовного процесса. Появляются как новые производства по уголовным делам, так и особые.

⁸ Язева, Е.Е. Законодательная регламентация форм предварительного расследования в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь: тенденции и пути развития / Е.Е. Язева // Актуальные проблемы уголовного права и на современном этапе. – 2021. – № 10. – С. 106-119.

Уголовный процесс тем самым размывается, утрачивается, ..., его стержень»⁹.

В процессе исследования тенденций развития уголовного процесса невозможно не затронуть вопрос внедрения современных информационно-телекоммуникационных технологий. Так, с 1 января 2017 г. в главу 56 УПК РФ уже введены новые понятия и изменены некоторые термины. Так шестая упомянутой главы УПК РФ теперь именуется «Электронные документы и бланки процессуальных документов». В свою очередь, статья 474.1 УПК РФ стала содержать такие понятия, как «Электронный документ» и «Электронная подпись». Вместе с тем, складывается впечатление некоторой поспешности введения этих новых положений ввиду отсутствия должной системности, при которой бы данные понятия раскрывались в ст. 5 УПК РФ или в упомянутой статье 474.1 УПК РФ наличествовала бы ссылка, к примеру, на Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об электронной подписи», дабы избежать различий в формулировках и толковании понятий. Более подробно вопрос цифровизации уголовного судопроизводства будет рассмотрен в следующей главе на примере законодательства других стран, а пока мы кратко затронем возможности технологического влияния на состояние и развитие уголовно-процессуального законодательства.

Итак, первое, о чем стоит упомянуть – это электронный документооборот. С каждым годом данный вопрос набирает свою популярность в кругах ученых и практиков. Неоднозначным представляется мнение Медведевой В.В. и Торовкова А.А. по вопросу цифровизации. В своей работе они приводят ряд аспектов, которые могли бы способствовать ее внедрению в сферу уголовного судопроизводства.

⁹ Якимович, Ю.К. Проблемы и перспективы дифференциации уголовного судопроизводства / Ю.К. Якимович // Уголовная юстиция. – 2015. – № 2 (6). – С. 63–66.

Так отмечается важность введения в уголовно-процессуальный закон терминологического аппарата, без которого осуществление документооборота в электронном варианте не представляется возможным.

Второй аспект предполагает разработку и внедрение перечня процессуальных документов, ведение которых возможно в электронном виде, без использования бумажных носителей, и создание к этому основы в виде серверов хранения и передачи данных документов, способных обеспечить их защищенность от несовершенства компьютерных технологий, вирусов или сбоев системы.

Третий аспект подразумевает введение в УПК РФ процессуального порядка собирания, проверки и исследования «электронных документов» как доказательств, а также урегулирование вопросов соответствия этих документов таким критериям как допустимость, достоверность и возможность процессуального закрепления.

Четвертый аспект связан с необходимостью создания правового инструментария, регламентирующего вопросы хранения электронных документов и порядок допуска к ним лиц, не имеющих права с ними знакомиться¹⁰.

Сложно не согласиться с обозначенной точкой зрения на введение цифрового документооборота в рамках современного уголовного процесса России. Видится, что цифровизация практически неизбежна, в то же время очевидна ситуация, при которой действующий порядок документооборота будет трансформироваться в цифровой постепенно, переводя каждый из существующих бумажных документов в двоичный код, находящийся на сервере соответствующего ведомства или частной компании, оказывающей услуги по его хранению.

¹⁰ Медведева, В.В. Использование в уголовном процессе электронных документов как тенденция развития современной модели судопроизводства / В.В. Медведева, А.А. Торовков // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (35). – С. 94-96.

Следующий аспект влияния информационных технологий на развитие уголовного судопроизводства – это их использование при проведении различных следственных и иных процессуальных действий. Многие, что сейчас применяется для упрощения или улучшения производства по уголовному делу, ранее доступно не было. К примеру, часть 3 ст. 170 УПК РФ предусматривает возможность производства некоторых следственных действий без участия понятых: «в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей». В таком случае обязательна видеофиксация и отметка об этом в протоколе следственного действия.

Но если в определенных случаях видеокамера может заменить двух понятых, то почему мы не можем использовать видеоконференцсвязь (далее – ВКС) для допроса участников процесса? И вот мы видим появление в УПК РФ целого ряда норм, предусматривающих использование ВКС при производстве тех или иных процессуальных действий: проведение допроса, очной ставки, опознания в ходе предварительного расследования (ст. 189.1.), проведение допроса свидетеля или потерпевшего в судебном заседании (ч. 4 ст. 240) участие обвиняемого в судебном заседании при рассмотрении вопросов изменения территориальной подсудности уголовного дела (ч. 6 ст. 35), участие подсудимого, содержащегося под стражей, в судебном заседании в суде первой инстанции при рассмотрении уголовных дел об особо тяжких государственных преступлениях, в первую очередь, террористической направленности (ч. 6.1. ст. 241), предоставление подсудимому последнего слова (ч. 1 ст. 293), исследование доказательств при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции (ч. 8 ст. 389.13.), участие осужденного, потерпевшего, его законного представителя или представителя в судебном заседании при разрешении вопросов,

возникающих в стадии исполнения приговора (части 2 и 2.1. ст. 399), участие осужденного в рассмотрении его кассационной жалобы (ч. 2 ст. 401.13) и др.

Обращаясь к принципу процессуальной экономии, мы можем предположить, что в технологической оптимизации нуждаются процедуры многих процессуальных действий, когда речь идет об участии в них лиц, находящихся в другом населенном пункте или в другой стране.

Предполагать, что в результате технологического прогресса может появиться оборудование, способствующее припоминанию подробностей произошедшего или помогающее со стопроцентной вероятностью определить ложность показаний человека при допросе, мы не будем, но и исключать такое развитие событий не стоит.

Вывод о связи научно-технического прогресса с процессом развития процессуальных отраслей законодательства, на наш взгляд, состоит в том, что законодатель обязан если не предвосхищать внедрение новых технологий, то, во всяком случае, быть к ним готовым. Причем речь идет о научной проработанности вопроса и готовности адаптировать законодательство к новым технологиям как в части применения их для оптимизации уголовно-процессуальной формы, так и в части готовности противодействовать применению их злоумышленниками.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

2.1. Характеристика отдельных проблем уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации

Поскольку в рамках выпускной квалификационной работы невозможно «объять необъятное», мы решили остановиться на подробном рассмотрении двух актуальных проблем современного российского уголовно-процессуального законодательства.

Первая связана с правовым регулированием вступления защитника в уголовный процесс.

Вторая – с порядком изъятия электронных носителей информации (далее – ЭНИ) при производстве по уголовным делам в сфере экономической деятельности.

Говоря о современных проблемах уголовного процесса в России, сложно обойти стороной комплексный и важный вопрос обеспечения защиты прав и законных интересов граждан. В первую очередь, речь идет и защите прав гражданина, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Качественная уголовно-процессуальная деятельность защитника на стадии предварительного расследования оказывает решающее влияние на эффективность защиты прав подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе, поскольку определяет дальнейший ход производства по уголовному делу, и, при определенных условиях, обуславливает прекращение уголовного преследования. Поэтому важно понимание того, что несовершенство конкретных положений уголовно-процессуального законодательства приводит не только к ненадлежащей реализации принципа обеспечения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту, но

и к нарушению такого принципа уголовного судопроизводства как состязательность.

Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитник – это лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В научной литературе встречается различные подходы к пониманию процессуального статуса защитника.

Р.Д. Лисицин характеризует процессуальный статус защитника как «совокупность всех прав и обязанностей, которыми пользуется защитник подозреваемого для выполнения своей функции в уголовном процессе».¹¹

В. Адаменко определяет процессуальный статус защитника как «права, предусмотренные законом»¹².

Защитник наделяется соответствующими процессуальными правами с момента вступления в уголовное дело, что прямо предусмотрено ст. 53 УПК РФ. Перечень прав, предусмотренных данной статьей, не является исчерпывающим, поскольку в п. 11 указывается, что защитник имеет право использовать любые не запрещенные законом средства и способы защиты.

В отличие от процессуальных прав защитника перечень процессуальных обязанностей в УПК РФ не закреплен. Однако если исходить из предназначения защитника в уголовном процессе, можно выделить ряд обязанностей; главной из которых является защита прав и интересов своего доверителя; также защитник обязан использовать предоставленные законом способы и средства для защиты своего доверителя¹³.

¹¹ Лисицин, Р.Д. Защитник подозреваемого на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук / Р.Д.Лисицын. – М., 1998. – С. 12.

¹² Адаменко, В. Процессуальное положение защитника обвиняемого / В. Адаменко // Проблемы охраны прав граждан сфере борьбы с преступностью. – Иваново, 1980. – С. 32-33.

¹³ См. Гусева, С.А. Правовой статус защитника в уголовном процессе / С.А. Гусева, Н.С. Волкова. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2017.

Основным аспектом, на котором хотелось бы сконцентрировать наше внимание, является момент вступления защитника в уголовный процесс. Зачастую нарушение законных прав граждан на защиту возникает именно в результате нарушения норм УПК РФ, регламентирующих этот момент, несмотря на то, что, казалось бы, этот вопрос четко урегулирован положениями ст. 49 УПК РФ. Следует отметить, что предусмотренное ч. 3 ст. 49 УПК РФ регулирование вопроса о моменте вступления защитника в уголовный процесс нельзя рассматривать вне контекста правового регулирования порядка возникновения права на защиту у подозреваемого и обвиняемого. Содержащаяся в п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ отсылка к положениям ч. 3 ст. 49 УПК РФ позволяет утверждать, что определение законодателем момента вступления защитника в уголовный процесс целиком и полностью обусловлено необходимостью обеспечить подозреваемому и обвиняемому возможность реализации права на защиту.

Фактически в ч. 3 ст. 49 УПК РФ конкретизированы основания возникновения у физического лица права на защиту. До наступления предусмотренных в ст. 49 УПК РФ юридически-значимых ситуаций о праве физического лица на защиту говорить невозможно. Само понятие «защита» в самом широком смысле предполагает наличие угрозы. В уголовном процессе такой угрозой является возможное нарушение прав и свобод человека, вызванное уголовным преследованием. Начало же уголовного преследования в отношении конкретного лица должно быть выражено в форме юридически-значимых действий органов уголовного преследования. Именно эти юридически-значимые действия и составили содержание ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

Таким образом, предоставив в ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитнику возможность вступать в уголовный процесс с момента начала осуществления в отношении конкретного лица уголовного преследования, законодатель, тем самым гарантировал реализацию уголовно-

процессуального принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту.

Рассмотрим каждый из предусмотренных в ч. 3 ст. 49 УПК РФ фактических моментов вступления защитника в уголовный процесс и остановимся подробно на наиболее проблемных аспектах.

Согласно ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента наступления следующих уголовно-процессуальных ситуаций:

1) Вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

2) Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица.

Следует учитывать, что вне зависимости от уголовно-процессуальных различий правовых статусов подозреваемого и обвиняемого сам факт осуществления в отношении указанных лиц уголовного преследования требует принятия мер обеспечения полной и всесторонней защиты их прав и законных интересов.

3) Фактическое задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, в порядке ст.ст. 91 и 92 УПК РФ и применение к нему в соответствии со статьей 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу.

Положения п. 3 ч. 3 ст.49 УПК РФ не подлежат ограничительному толкованию. Это означает, что непосредственно после или в момент фактического задержания подозреваемого в совершении преступления, соответствующее должностное лицо органа уголовного преследования должно принять немедленные меры к предоставлению подозреваемому возможности связаться с защитником. При этом по смыслу п. 3 ч. 3 ст.49 УПК РФ для обеспечения такой возможности должны быть использованы все доступные в момент задержания средства связи, включая служебную, сотовую и др. Следует, однако, учитывать, что в ряде случаев обеспечить подозреваемому присутствие защитника по объективным причинам не представляется возможным. В таких ситуациях право подозреваемого на

защиту не следует считать нарушенным. Тем не менее, невозможность обеспечения подозреваемому контакта с защитником не должна использоваться как повод для ограничения его уголовно-процессуального права. При наличии препятствий для реализации права подозреваемого на защиту с момента или во время его фактического задержания компетентное должностное лицо должно немедленно принять меры для их устранения. Если же после прекращения обстоятельств, препятствующих реализации права подозреваемого на защиту, возможность вступления защитника в уголовный процесс не обеспечена, право на защиту следует считать нарушенным.

Выраженное в непринятии мер к обеспечению возможности вступления защитника в уголовный процесс бездействие должностного лица, осуществившего задержание, является незаконным.

4) Объявление лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

Следует учитывать, что требование закона о вступлении защитника в уголовный процесс с момента объявления подозреваемому указанного постановления обусловлено не только необходимостью обеспечения прав и законных интересов лица, не способного к самостоятельной защите. Необходимо учитывать, что признание лица, подозреваемого в совершении преступления, психически больным или невменяемым влечет для него ряд существенных юридических последствий. Поэтому обеспечение участия защитника в данной уголовно-процессуальной ситуации является важной гарантией законности как самого процесса осуществления судебно-психиатрической экспертизы, так и ее результатов.

5) Начало осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления.

Положения п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ охватывают все действия компетентных органов государственной власти, ограничивающие права личности и направленные на осуществление уголовного преследования в отношении физического лица. Причем возможность вступления защитника в уголовный процесс по данным основаниям не связана с наличием у данного физического лица конкретного уголовно-процессуального статуса.

В частности, такими действиями могут являться «удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов», а также иные действия, ограничивающие права и свободы личности.

Следует отметить, что положения п. 5 ч. 3 ст.49 УПК РФ должны применяться с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который в своем постановлении от 27 июня 2000 г. №11-П¹⁴ указал следующее: «... факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (ч.1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого). Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена, возможность обратиться за

¹⁴ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. №11-П // СПС КонсультантПлюс.

помощью к защитнику. Тем самым, обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении и, следовательно, эффективно защищаться, и гарантирующие в дальнейшем от признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств (статья 50, часть 2, Конституции Российской Федерации)»¹⁵.

Вместе с тем, несмотря на то обстоятельство, что сформулированная Конституционным Судом Российской Федерации правовая позиция способствует защите личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования, ряд авторов указывает на возможность дальнейшего совершенствования вышеизложенного подхода к раскрытию содержания п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

Так, по мнению И.В. Овсянникова, «положение, когда это лицо, не имея формального процессуального статуса подозреваемого, будет участвовать в следственных действиях в качестве, например, уличаемого свидетеля, представляется ненормальным. Статус свидетеля не позволяет лицу столь же активно в отличие от статуса подозреваемого участвовать в уголовном процессе, отстаивать свои права и интересы, осуществлять право на защиту от подозрения, доказывать свою непричастность к совершению преступления»¹⁶.

Представляется, однако, что при всей теоретической обоснованности вышеприведенной точки зрения добиться ее практической реализации будет чрезвычайно сложно, так как для признания лица подозреваемым в совершении преступлений должны иметься достаточно веские основания.

¹⁵Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Юристь, 2004 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶Овсянников, И.В. Уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемого / И.В. Овсянников // Юридический мир. – 2005. – № 10 // СПС КонсультантПлюс.

Установление наличия этих оснований – длящийся процесс, который не может происходить мгновенно, одновременно. Данное обстоятельство и обуславливает существование в рамках уголовного процесса вышеозначенных «переходных» положений.

Очевидно, что оставлять без защиты лицо, находящееся в таком положении, недопустимо. Поэтому подход Конституционного Суда Российской Федерации к решению проблемы обеспечения надлежащей защитой лиц, в отношении которых предпринимаются процессуальные действия, затрагивающие их права и свободы, является наиболее практичным и действенным.

б) Начало осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, следователь вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их и осуществлять иные процессуальные действия в целях проверки сообщения о преступлении. В этой ситуации также исключительно важным является предоставление лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, права пользоваться услугами защитника.

Положения п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ подводят логическую черту под перечнем уголовно-процессуальных ситуаций, являющихся основанием для вступления защитника в уголовный процесс, поскольку в отсутствие уголовного преследования защита, как уголовно-процессуальный институт, попросту не существует.

Подводя итог, отметим, что временной фактор (момент) и основания вступления защитника в уголовный процесс практически доведены до

идеала законодательно, но так нельзя сказать о должном практическом применении этих норм.

Следующей проблемой, которая рассматривается в рамках настоящей работы, является порядок изъятия электронных носителей информации при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности.

Современные технологии предоставляют возможность хранения всё большего количества информации при всё меньших объемах занимаемого пространства. Эти возможности используются практически во всех компаниях и организациях для ведения внутреннего документооборота, бухгалтерии или подсчета налоговых отчислений. Сегодня достаточно сложно представить какой-либо состав экономического преступления, не предполагающий необходимость исследования содержания ЭНИ, на которых содержится учетная и отчетная информация, архивы, сведения о проводимых хозяйственных и финансовых операциях.

Как уже отмечалось, обособленное законодательное закрепление порядка изъятия ЭНИ в ходе обыска, выемки или осмотра места происшествия произошло в 2012 году с введением п. 9.1 и 3.1 статьи 182 и 183 УПК РФ соответственно, в которых впервые упоминается ряд особенностей, в том числе обязательное участие специалиста в этом следственном действии. Позже данных положения были исключены Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ, но при этом УПК РФ дополнен статьей 164.1, по сути, хотя и дублирующей указанные выше положения, но, вместе с тем, расширяющей спектр следственных действий, подпадающих под эти специальные правила. Ранее таковыми являлись только обыск и выемка.

Исходя из положений п. 3.1.9 ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения», под ЭНИ следует понимать «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации,

обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники». К ЭНИ относится достаточно много технических средств, среди которых наиболее распространены USB-флеш-накопитель, CD и DVD диски, диски Blu-Ray, Hard Disk Drive (HDD), внутренний магнитный накопитель на жестком магнитном диске, дискета и тому подобные, в том числе интегральная микросхема памяти (чип, микрочип), способная, независимо от минимальных размеров, выполнять функции модуля памяти или миникомпьютера (т.е. непосредственно хранить или изменять информацию, имеющую значение для уголовного дела)¹⁷. Также к ЭНИ следует отнести технические средства, непосредственно используемые для хранения информации и работы с ней, среди которых смартфоны, компьютеры, игровые приставки, планшетные компьютеры и т.п.

Статья 164.1 УПК РФ предусматривает запрет на изъятие ЭНИ при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, подразделяя последние на две части перечня. Для применения положений статьи к первому из них требуется дополнительное условие – если преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности (ч. 1-4 ст. 159, ст. 159.1-159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ), вторая часть (ч. 5-7 ст. 159, ст. 171, 171.1, 171.3- 172.2, 173.1-174.1, 176-178, 180, 181, 183, 185-185.4 и 190-199.4 УК РФ) уже содержит экономическую составляющую в своей диспозиции. Критерии отнесения или не отнесения преступления к сфере предпринимательской деятельности судебной практике не устоялись, поэтому суды нередко выносят незаконные решения о правомерности проведенных мероприятий по изъятию ЭНИ, которые оспариваются в вышестоящих судах¹⁸.

¹⁷ Судницын, А.Б. Отдельные процессуальные и организационные особенности изъятия и хранения электронных носителей информации при производстве по уголовным делам / А.Б. Судницын // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 1 (22). – С. 12.

¹⁸ Например, апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22к-1546/2020 от 12 августа 2020 г. по делу № 3/10-24/2020 // СПС КонсультантПлюс.

Есть мнение, что положения ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ необоснованно ограничивают субъекта доказывания в способах и средствах собирания доказательств, и применение этого положения должно осуществляться с учетом ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, согласно которой недопустимо применять меры, могущие повлечь приостановку законной деятельности субъектов экономической деятельности (юридических лиц или индивидуальных предпринимателей)¹⁹. С данным подходом следует согласиться, так как буквальное толкование рассматриваемых норм явно приводит к «перегибам» и не отвечает целям их введения в закон.

Помимо запрета изъятия ЭНИ законодатель предусмотрел и исключения из него, к которым относятся случаи, когда:

- 1) вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;
- 2) изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения;
- 3) на электронных носителях содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Формулировки, которые использовал законодатель достаточно сложны в применении и толковании. Относительно первого исключения следует отметить важность того, о каких именно ЭНИ говорит законодатель, когда указывает на наличие назначенной в отношении последних судебной экспертизы. Исходя из общей нормы, изъятие ЭНИ невозможно, соответственно, эти ЭНИ еще не изъяты, а если уже изъяты, то каким образом? Схожий вопрос также возникает у ряда авторов, в

¹⁹ Цуканов, Н.Н. К вопросу об изъятии электронных носителей информации при производстве следственных действий / Н.Н. Цуканов, А.Л. Карлов // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 4 (28). – С. 135-140.

частности В.Ф. Васюкова²⁰. Видится, что постановление необходимо вынести заблаговременно, затем начинать процедуру изъятия путём обыска, выемки или иного следственного действия, но тогда возникает вопрос о конкретизации ряда обязательных составляющих постановления о назначении судебной экспертизы, к которым можно отнести: непосредственный объект(ы) экспертизы, цель исследования, формулировка вопросов и т.п.

Второе исключение предполагает наличие судебного решения. Безусловно, вопросы возникают и здесь, к примеру, какое из судебных решений имел ввиду законодатель, необходимое для производства обыска в жилище или специальное, выносимое непосредственно по факту изъятия ЭНИ? Считаем, что основные аспекты, в которых суду необходимо удостовериться, заключаются в недопущении незаконного ограничения возможности функционирования субъекта экономической деятельности, а также в решении вопроса об ограничении охраняемой законом тайны в находящейся там информации. В таком случае типовой санкции суда на производство обыска в жилище недостаточно, ведь вопрос в таком решении состоит в ограничении другой категории прав граждан.

Третье исключение предполагает три самостоятельных аспекта.

Процесс изъятия ЭНИ содержит массу нюансов, предусмотреть которые, решая одновременно задачи обеспечения прав граждан и достижения целей качественного и эффективного расследования представляется чрезвычайно сложно. Не случайно в качестве основной формы изъятия электронной информации учёными выделяется именно

²⁰ Васюков, В.Ф. Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий: новеллы законодательства и проблемы правоприменения / В.Ф. Васюков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 2. – С. 9.

копирование²¹, при котором рассматриваемые положения применяться не должны (не происходит изъятие электронного носителя).

Многие из обозначенных проблем находятся на стадии научного осмысления, но специфика этой области не позволяет планомерно анализировать каждую вводимую законодательную новеллу. Следуя Закону Мура²², необходимо вводить в законодательство положения, действующие сразу, без необходимости «притирки» практикой. Думается, что такой процесс возможен при одновременном наличии научно-технического прогресса и должного взаимодействию законодателя с двигателями этого прогресса, которые способны спрогнозировать его направление.

Подытоживая сказанное, отметим, что изъятие ЭНИ происходит в процессе расследования преступлений в сфере экономической деятельности по большинству уголовных дел, независимо от ущерба, количества потерпевших или степени общественной опасности расследуемого деяния. При анализе законодательных положений, регламентирующих порядок производства соответствующих следственных действий, очевидной видится слабая теоретическая проработанность и недостаточность точных формулировок. В следующих параграфах нами будут предложены варианты разрешения обозначенных проблем.

²¹ Гаврилин, Ю.В. Собрание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы / Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 3 (47). – С. 110-115.

²² Закон Мура (англ. Moore's law) – эмпирическое наблюдение, изначально сделанное Гордоном Муром, согласно которому (в современной формулировке) количество транзисторов, размещаемых на кристалле интегральной схемы, удваивается каждые 24 месяца, что говорит об удвоении вычислительной мощности.

2.2. Пути и способы устранения недостатков уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации

Безусловно, в современном уголовном процессе Российской Федерации существует значительно больше нерешенных проблем и недостатков, чем те, на которых сосредоточено наше внимание в рамках настоящей работы. В данном случае мы обратились к проблемным вопросам, связанным с защитой прав граждан, в том числе осуществляющих предпринимательскую деятельность, при производстве определенных процессуальных действий.

Одним из общих недостатков, объединяющих обозначенные проблемы, является элементарное неисполнение правоприменителями соответствующих норм процессуального законодательства.

В части своевременного допуска (привлечения) защитника к производству процессуальных действий следователи (дознаватели) зачастую не обладают должным пониманием законодательных формулировок или пренебрегают процедурными правилами в силу ограниченности во времени или в надежде на правовую неосведомленность лиц, которым необходима защита.

Что же касается неисполнения ограничительных правил при изъятии ЭНИ, то здесь также нередко имеет место пренебрежение нормами, предусматривающими запрет такого изъятия по определённым категориям уголовных дел, в частности, об экономических преступлениях. Зачастую сотрудникам правоохранительных органов проще сначала изъять все необходимое, а разбираться с «легализацией» таких доказательств постфактум. Считаем такое поведение в корне неправильным.

Вместе с тем, одним из важных критериев качественной законодательной базы служит легкость и понятность ее применения. Сами алгоритмы, к примеру, законодательного института участия в уголовном процессе защитника должны быть выстроены так, чтобы следователь

(дознаватель) не сталкивался с необходимостью изворачиваться, чтобы соблюсти то или иное предписание.

Для разрешения проблемы допуска защитника к нуждающимся в его услугах лицам считаем необходимым усилить внимание на это субъектов, осуществляющих контрольные и надзорные функции. В идеале мы должны выстроить систему, при которой должностным лицам правоохранительных органов будет просто неэтично осуществлять какие-либо действия в отношении граждан без присутствующего защитника или, как минимум, разъяснения на это права.

Как уже отмечалось, непосредственно после или в момент фактического задержания подозреваемого в совершении преступления, соответствующее должностное лицо органа уголовного преследования должно принять незамедлительные меры к предоставлению подозреваемому возможности связаться с защитником.

Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов, провозглашают, что каждый арестованный или задержанный имеет право на незамедлительную помощь адвоката (принципы 7 и 8). Согласно международному праву и уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации право на помощь адвоката включает в себя, в том числе, и право общаться при полной конфиденциальности без ограничения количества встреч и их продолжительности²³.

Помимо прочего, ряд международных правовых актов и решений ЕСПЧ²⁴ допускает возможность отсрочки доступа к адвокату: «только в исключительных случаях и в соответствии со строгими критериями, установленными законом или нормативно-правовыми актами, если судья либо иной представитель государственной власти считает это

²³ Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов (Приняты в г. Гаване 27.08.1990 - 07.09.1990 восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями) // СПС КонсультантПлюс.

²⁴ Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов, принцип 7; Постановление ЕСПЧ от 26 мая 1993 г., Бранниган и МакБрайд против Соединенного Королевства (п. 64) // СПС КонсультантПлюс.

обязательным для поддержания безопасности и порядка. в любом случае, лицо, лишенное свободы, должно иметь доступ к адвокату в течение 48 часов с момента задержания или заключения под стражу; любые подобные ограничения не должны представлять собой длительное содержание инкоммуникадо или длительное содержание в одиночном заключении, запрещенные в соответствии с международным правом.»²⁵

Формулировки и смыслы законодательных положений в части момента привлечения защитника весьма размыты и не всегда конкретны. Видится, что более конкретное их изложение и невозможно по ряду объективных причин. Считаем основной ту, что описывается как различие реальных ситуаций в каждом конкретном случае необходимости привлечения защитника от того, что конкретно можно предусмотреть в законодательном акте. Наиболее целесообразно считать необходимость момента вступления защитника в уголовный процесс с момента теоретически возможного нарушения прав гражданина, если при этом не создается препятствий для производства по уголовному делу. Ситуация, при которой перед задержанием потенциального правонарушителя по результатам оперативно-розыскных мероприятий он будет уведомляться о необходимости приглашения защитника к пяти утра конкретного дня, дабы фактически не столько оказать юридическую помощь, сколько проконтролировать законность задержания, видится абсурдной, как и та, в которой правоохранители, застигнув лицо в процессе совершения преступления, перед пресечением противоправного деяния и фактическим задержанием предложат дождаться защитника и обещают никаких действий в отношении лица не предпринимать.

Относительно ситуации с допуском защитника в уголовный процесс, мы не считаем необходимым существенных изменений законодательства. Теоретически, небольшие изменения и дополнения в УПК РФ могут

²⁵ Руководство по наблюдению за уголовным процессом. Практическое руководство № 5 // Международная комиссия юристов. – Женева, 2010. – С. 70.

закрывать ряд небольших пробелов в этом вопросе, но фактически эти попытки, вероятно, создадут новые риски нарушения прав граждан на защиту или возложат на сотрудников правоохранительных органов обязанности, исполнение которых окажется невозможным в реальной практической ситуации.

Относительно общего запрета на изъятие ЭНИ по уголовным делам о преступлениях экономической направленности, полагаем, что он неоправданно строг и категоричен, хотя и имеет ряд исключений. Считаем целесообразным толковать данную норму с отсылкой к общим правилам производства следственных действий, а именно к п. 4.1. ст. 164 УПК РФ, согласно которому изъятие не допускается только в случае, если такие действия «могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей».

Подводя итог предложениям о способах и путях решения обозначенных проблем современного уголовно-процессуального законодательства, считаем целесообразным обозначить, что вопросы изъятия ЭНИ действительно нуждаются в законодательной трансформации, причем в сторону послаблений в правовом регулировании и предоставления большей свободы действий субъектам, производящим расследование.

ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

3.1. Определение направления и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации

Реальность такова, что представить существование единственного, отлаженного и отточенного перечня правовых норм, отвечающего всем вопросам процесса привлечения виновного лица к уголовной ответственности и защиты всех лиц от противоправного уголовного преследования на всех территориях и во все времена невозможно. Современность всегда вносит свои коррективы, меняются морально-нравственные устои и предпочтения общества, за ними следуют правовые нормы, в том числе и нормы уголовно-процессуального законодательства.

Если еще вчера было возможно представить себе унификацию законодательных норм в значительной части стран мира, даже не находящихся на одном континенте, но имеющих много общего в части мировоззрения населения и вектора движения человечества в целом в силу всеобщей глобализации, века информации и распространения Интернета, то сегодня мир скорее готов разделить, установив свои собственные правила человеческого сосуществования в обществе, и попытаться навязать эти правила всем вокруг.

Для дальнейшего рассуждения о направлении и перспективах развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации следует определиться с терминологией. Как правило, для описания наиболее масштабных идеологических концепций построения законодательной базы исследуются следующие термины: «доктрина», «концепция», «парадигма», «стратегия», «целеполагание».

Под доктриной (лат.) понимается «учение, научная теория, руководящий теоретический принцип», под концепцией (лат.) – «1) система взглядов, то или иное понимание явлений, процессов; 2) единый, определяющий замысел, ведущая мысль» и под парадигмой (греч.) – «пример, образец, теория, модель, тип постановки проблемы, принятая в качестве образца решения исследования задач»²⁶.

Термин «целеполагание», в частности, в сфере уголовного судопроизводства, отечественные ученые определяют как «процесс осмысления, формирования и обоснования субъектами, к нему причастными, проблемной ситуации в сфере уголовного процесса, перевод ее в проблему, и предполагающий на выходе создание согласованной системы целей, задач и функций уголовного процесса, а также средств их реализации, в правотворчестве и правоприменении указанных норм в сфере уголовного процесса, предназначенной и пригодной для разрешения той проблемной ситуации, которая и послужила началом для мыслительной деятельности»²⁷.

С точки зрения А.П. Попова, применение целеполагания и его элементов в качестве инструментария исследования позволяет определиться в стратегии и тактике законодательной и уголовно-процессуальной деятельности²⁸.

Также для описания вектора развития уголовного процесса в Российской Федерации возможно употребление понятия «стратегия», «стратегический» и т.п. Если подходить буквально, то стратегическим развитием или планированием мы называем длительный процесс, имеющий целью построение уголовно-процессуального законодательства

²⁶ Современный словарь иностранных слов. – СПб., 1994.

²⁷ Томин, В.Т. Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования / В.Т. Томин // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого, г. Санкт-Петербург, 11–12 окт. 2007 г. – М., 2008. – С. 174–185.

²⁸ Попов, А.П. Целеполагание в отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.П. Попов. – Н. Новгород, 2006.

в целом. Яркая корреляция наблюдается между «стратегическим» и «тактическим», где второй термин выражает более краткое планирование и обозначает составляющие этапы стратегии.

Весьма проблематично производить качественные изменения законодательства при отсутствии стратегии этих изменений и того направления, куда, теоретически, должен привести нас законодательный процесс.

По мнению некоторых учёных, стратегия развития уголовного процесса как таковая в настоящий момент вовсе отсутствует. К примеру, А.С. Александров в своей работе отмечает: «Стратегия развития и преобразования чего-либо предполагает, как минимум двух вещей: субъекта, который проводит стратегию, и понимания этим субъектом конечной цели проводимых им преобразований. Создается впечатление, что в области уголовно-правового строительства не было ни того, ни другого». Причины этой ситуации автор видит в отсутствии культуры, слабом знании или отсутствии знания классического правового наследия творцами нововведений, т. е. в непрофессионализме²⁹.

Безусловно, рассуждая теоретически, мы можем сделать вывод о том что ни субъекта, ни конечной цели дальнейшего развития российского уголовного процесса в настоящий момент нет. Однако, на наш взгляд, конечной цели модернизации уголовно-процессуального законодательства как таковой и не существует. В противном случае, целью следует считать рефлексию законодательства на возникающие проблемы. При таком подходе критерием выполнения стратегических задач станут:

- 1) скорость реакции законодателя на возникающие проблемы;
- 2) качество решения проблем (с учетом, что это решение будет актуально через время и не потребует пересмотра);
- 3) соответствие всем предшествующим нормативным положениям.

²⁹ Александров, А.С. Забыть Фойницкого? / А.С. Александров // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. мат-лов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого, г. Санкт-Петербург, 11–12 окт. 2007 г. – М., 2008. – С. 14–25.

Некоторые авторы, говорящие о стратегическом развитии уголовного процесса, выделяют несколько стратегий, которые дают общее направление развития. К таким относятся стратегии:

- 1) защиты прав и свобод обвиняемого;
- 2) уголовного преследования;
- 3) социальной поддержки потерпевшего;
- 4) рациональность и эффективность уголовного судопроизводства;
- 5) примирения³⁰.

Такой взгляд на вещи тоже имеет смысл, принцип «разделяй и властвуй» может проявить себя достаточно ярко при разделении глобальной задачи по улучшению и модернизации всей системы уголовного судопроизводства на более локальные и реализуемые подзадачи.

Для решения вопроса о направлении дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства следует отметить наличие серьезной критики действующих положений.

Так Л.В. Березина и В.М. Быков оценивают УПК РФ как «ущербный плод торопливости и непрофессиональности его создателей»³¹, Е. Яненко отмечает, что если «заглянуть внутрь УПК РФ, там – «огромная «фига» улыбающейся во весь рот преступности»³². В.П. Лавров называет УПК РФ «латанным-перелатанным»³³, О.В. Химичева – «лоскутным», а содержащиеся в нем нормы – «разномастными, не всегда согласующимися друг с другом предписаниями»³⁴.

³⁰ Стойко, Н.Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость / Н.Г. Стойко // Российский следователь. – 2006. – № 4. – С. 12–15.

³¹ Березина, Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ / Л.В. Березина, В.М. Быков. – Казань, 2006.

³² Яненко, Е. Размышления у парадного фасада УПК РФ / Е. Яненко // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 66–67.

³³ Лавров, В.П. Пробелы в УПК РФ / В.П. Лавров // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 59-62.

³⁴ Химичева, О.В. УПК РФ: реформа продолжается / О.В. Химичева // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 34-36.

Таким образом, опираясь на мнение вышеперечисленных учёных на текущий момент, следует считать основной стратегической задачей не развитие и внедрение нового, а, скорее, пересмотр и улучшение старого. Как при строительстве дома, нет смысла возводить стены, если фундамент недостаточно прочен.

В то же время считаем целесообразным наметить то основное направление, в котором уголовно-процессуальное законодательство могло бы развиваться с целью устранению существующих недостатков:

1) Реструктуризация текущей законодательной базы. Видится, что большая часть норм и толкований, которым необходимо следовать, находятся вне основного текста УПК РФ. Основным «пристанищем» понимания и дополнения положений УПК РФ стали постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, играющие решающую роль в правоприменительной практике. Считаем целесообразным «доукомплектовать» УПК РФ наличествующими положениями из постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и других актов, в первую очередь, постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, способствующих единообразному толкованию и применению норм уголовно-процессуального закона. Такие меры, надеемся, приведут к упрощению правовой структуры, тем самым способствуя более грамотному толкованию и применению правовых норм.

2) Использование зарубежного опыта. В целом, общественные отношения вне зависимости от страны происхождения выстраиваются схожим образом. Это позволяет опираться при создании новых правовых норм и институтов на тот опыт, который уже есть в других странах. Считаем логичным, при наличии возможности, не стремиться только учиться на своих ошибках в случаях, когда уже существуют работающие правовые механизмы регулирования той или иной деятельности. Например, к таковым можно отнести вопросы правового регулирования процессуальных особенностей расследования преступлений в европейских

странах ³⁵, процесс введения и использования систем электронного документооборота в рамках процессуальной деятельности, о чем более подробно речь пойдет в следующем параграфе работы, или введения института международных следственных групп, призванных улучшить взаимодействие государств в борьбе с международной преступностью.

3) Оптимизация соответствия законодательной базы с реальными возможностями правоохранительных органов. Очевидно, в настоящий момент ввести, к примеру, полностью электронный документооборот не представляется возможным в силу слабой технической оснащенности органов расследования преступлений на региональном уровне, когда все еще не все подразделения в достаточной мере обладают компьютерами и принтерами, и даже в крупных городах следователи испытывают проблемы с обновлением или ремонтом необходимой для работы техники. Таким образом, речь скорее идет о том, чтобы действия законодателя по обновлению положений уголовно-процессуального законодательства синхронизировались с действиями федеральных органов исполнительной власти по технической оснащенности органов расследования, переквалификации сотрудников и повышению не только их правовой, но и общетеоретической и технической подготовленности.

Подводя итог по вопросу определения направления и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, следует отметить, что существует множество различных подходов, описывающих, куда, как и зачем движется законодательство. Определив, что наиболее подходящим термином для описания вектора развития уголовно-процессуального законодательства является «стратегия», подчеркнем, что речь не идет о конкретных законодательных изменениях, имеющих своей целью строго определенное направление движения. Говоря о стратегии развития, следует иметь в виду, что это

³⁵ Уголовный процесс европейских государств : монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. – М.: Изд-во «Проспект», 2018. – С. 296.

скорее базовый свод принципов, на которых основано движение. Все решения, принимаемые на пути развития, согласованы и не нарушают те принципы, которые приняты в качестве «стратегии». К таким принципам мы отнесли 1) реструктуризацию текущей законодательной базы; 2) использование зарубежного опыта; 3) оптимизацию соответствия законодательной базы с реальными возможностями правоохранительных органов.

3.2. Возможности и перспективы внедрения зарубежного опыта в отечественный уголовный процесс

Говоря о способах совершенствования уголовно-процессуального законодательства, следует выделить несколько источников (оснований) для введения или изменения той или иной нормы. Так, внедрение новых технологий в виде электронных носителей информации способствовало возникновению особенностей правового регулирования процессуальных действий с этими носителями информации. Подписание международных договоров или вступление в международные организации также обуславливает изменение национального законодательства, если возникает необходимость приведения его в соответствие нормативным актам соответствующих организаций или положениям международных договоров. Возникновение качественно новых категорий субъектов правоотношений (физических или юридических лиц, например, предпринимателей), или новых форм общественных отношений также способствует возникновению новых процессуальных норм, определяющих специфику взаимодействия государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, и их должностных лиц с этими субъектами и в этих общественных отношениях т.п.

Все эти основания нуждаются в своевременном и качественном отклике законодателя. Для этого законодатель может выбрать несколько разных способов законотворчества:

1) введение кардинально новых норм, апробация и корректировка которых будет происходить в реальном времени и с реальными людьми. Данный подход сопряжен с неизбежными ошибками как в изначальном законодательном оформлении, так и в последующем правоприменении. Таким образом, даже если критерий своевременности будет соблюден, качество введённых норм может оставлять желать лучшего, что, безусловно, скажется на всей правовой системе в целом;

2) изменение и дополнение законодательства с учётом имеющихся норм, согласование новых норм с ранее существовавшими. Очевидно, что при недостаточном качестве действующего законодательства, новые нормы также не будут в полной мере отвечать критерию качества. В этом случае потребуется как корректировка ранее действовавших положений, так и согласование новых с существующими положениями, что не гарантирует ни качества, ни своевременности вносимых изменений. Тем не менее, законодатели в большинстве стран применяют именно такой метод практически во всех случаях законотворчества;

3) внедрение иностранного опыта. В определенной степени его можно считать одним из наиболее быстрых и качественных способов введения новых законодательных норм. Основным недостатком данного способа является то, что ему должен предшествовать серьезный научный анализ, благодаря которому введение заимствованных норм может быть оптимальным. К тому же, применение данного способа возможно не во всех ситуациях. В случае, когда взаимодействие законодательных органов и научного сообщества отлажено и научная проработка законодательных новелл, внедрение которых стоит на повестке законодателя, на основе иностранного опыта уже произведена, новая норма может быть введена достаточно быстро.

Считаем целесообразным начать анализ данного способа совершенствования уголовно-процессуального законодательства с примеров имплементации в отечественный уголовный процесс положений международного права, регламентирующих вопросы взаимодействия органов расследования преступлений различных государств.

Век информационных технологий дает широкие возможности совершения преступлений с территории одного государства в отношении граждан другого государства и наоборот, а также, возможность совершения преступлений в одном государстве и попытки ухода от ответственности на территории другого государства. В этих условиях популярность приобретает новый институт международного сотрудничества: институт совместных расследований, осуществляемый совместной (международной) следственной группой (join investigation team.) (далее – СМСГ).

Правовым основанием для деятельности СМСГ являются Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1998 г.); Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН); Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН); Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписана в г. Страсбурге 08.11.2001 г.) [Российская Федерация не участвует]; Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского союза. С учетом текущей международной обстановки сделать вывод о продолжении действия названных международных актов и

продолжении членства Российской Федерации в тех или иных международных организациях не представляется возможным.

Тем не менее, введение данного института способствовало бы расследованию множества международных преступлений, и преступлений, совершенных в отношении граждан Российской Федерации. Необходимости имплементации положений о международном сотрудничестве в УПК РФ и упрощения создания СМСГ посвящены работы отечественных процессуалистов³⁶. К.К. Клевцов отмечает, что полученные «...знания можно будет экстраполировать в область международного сотрудничества, и учесть при разработке уголовно-процессуальных норм, регулирующих институт совместных (международных) следственных групп, так как национальное законодательство играет одну из ведущих ролей при взаимодействии правоохранительных органов Российской Федерации с компетентными органами зарубежных государств» и «совместная (международная) следственная группа является важным компонентом международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. В этой связи считаем необходимым включить нормы, регламентирующие понятие, основание, порядок создания и деятельность СМСГ, в УПК РФ»³⁷.

Представить современный мир без взаимодействия правоохранительных органов невозможно, считаем органы расследования преступлений Российской Федерации компетентными и не уступающими западным или восточным коллегам. Помимо прочего, необходимо повышать степень взаимодействия этих органов, чему может способствовать внедрение обозначенных процессуальных нововведений.

³⁶ Волеводз, А.Г. О необходимости имплементации в УПК РФ международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 311-327.

³⁷ Клевцов, К.К. Совместные (международные) следственные группы – новое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы развития / К.К. Клевцов // Бизнес в законе. – 2015. – № 2. – С. 143-146.

Далее обратим внимание на возможность заимствования зарубежного опыта в виде введения в УПК РФ конкретных норм, аналоги которых реализованы в уголовно-процессуальном законодательстве иностранных государств.

Пункт 3-1. ст. 187 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) предусматривает расследование уголовных дел о преступлениях экономической направленности отдельным органом – службой экономических расследований, пункт 4-1. той же статьи предусматривает диспозитивный подход, позволяющий расследовать определенные категории уголовных дел о преступлениях экономической направленности органам внутренних дел или службе экономических расследований, начавшим досудебное расследование; абзац 2 этого пункта указывает, что уголовные дела о присвоении или растрате вверенного чужого имущества или мошенничестве в случаях, когда ущерб причинен государству, расследует служба экономических расследований, а во всех остальных случаях – органы внутренних дел.

В 2017 году главу 5 УПК РК дополнили статьей 42-1. «Формат уголовного судопроизводства» с целью дифференциации бумажного и электронного формата ведения производства по уголовным делам. Видится, что стремительно развивающийся процесс цифровизации современного общества является ключевым фактором, обуславливающим потребность введения в уголовно-процессуальное законодательство положений о формате электронного документооборота.

Достаточно интересные положения можно обнаружить и в УПК Франции. Так введённое законом № 2011-267 от 14 марта 2011 г. положение предусматривает возможность поиска информации на компьютерах в онлайн-режиме. Данная норма применяется при расследовании преступлений, совершенных преступной организацией. Согласно закону, полиция на основании разрешения следственного судьи вправе использовать физические средства или средства удаленного

доступа для получения информации с компьютера владельца без его ведома. Данное действие может применяться как при расследовании тяжких преступлений (убийство, трафик наркотиков или оружия), так и не тяжких, но совершенных организованной преступной группой (большая часть экономических преступлений). Кроме того, полиция вправе устанавливать на компьютер подозреваемого HTTP-cookie³⁸, также на основании санкции следственного судьи³⁹.

Это следственное действие служит для получения информации, появляющейся на компьютере злоумышленника, будь то ввод данных непосредственно им или загрузка их с любых носителей или сети Интернет независимо от расстояния или местонахождения как субъекта получения информации, так и объекта исследования. Защиту прав граждан обеспечивает следственный судья, дающий разрешение для проведения данного действия, непосредственно контролирующий его реализацию и оценивающий полученные результаты. Его решение предполагает наличие данных о местоположении или точном описании базы данных (по сути, цифрового источника информации). После разрешения следственного судьи лицо, производящее расследование, вправе устанавливать любое техническое устройство, функция которого заключается в исполнении задач данного действия.

Видится, что введение в УПК РФ подобного следственного действия значительно упростит процесс расследования многих категорий преступлений, в том числе экономической или экстремистской направленности, в сфере незаконного оборота наркотических средств и др. Т.Ф. Шарипов отмечает: «для получения доказательств по уголовным

³⁸ HTTP cookie – небольшой фрагмент данных, отправленный веб-сервером и хранимый на компьютере пользователя. Веб-клиент (обычно веб-браузер) всякий раз при попытке открыть страницу соответствующего сайта пересылает этот фрагмент данных веб-серверу в составе HTTP-запроса. Применяется для сохранения данных на стороне пользователя, на практике обычно используется для: аутентификации пользователя; хранения персональных предпочтений и настроек пользователя; отслеживания состояния сеанса доступа пользователя; ведения статистики о пользователях.

³⁹ Уголовный процесс европейских государств. – С. 296.

делам экономической направленности необходимо изъятие информации о финансово-правовых схемах, которая в большинстве случаев представляет собой целый пакет документов: описание; юридическое обоснование и перечень исследованных нормативных актов; графическое изображение; финансовое обоснование: расчет абсолютных и относительных показателей, достигаемых данной схемой экономии, или получения дохода; модель учета и бухгалтерские проводки; перечень и оценка существенных рисков применения; памятка персоналу, которые могут храниться на защищённом диске и быть удаленными одним нажатием клавиши»⁴⁰.

Более подробно остановимся на теоретической проработке введения в УПК РФ порядка электронного документооборота, который уже применяется рядом стран.

В силу распространённости современных информационных технологий другие отрасли процессуального права – гражданское, арбитражное, административное – уже используют информационные технологии для упрощения и ускорения работы. Многие из форм налоговой отчётности полностью перешли в электронный документооборот, производство по административным делам о нарушении правил дорожного движения также, в какой-то степени, осуществляется в электронном формате.

Следует заметить, что данная трансформация происходит в силу того, что этим отраслям процессуального права изначально присуща диспозитивность. Уголовно-процессуальное же право отличается императивностью норм, но все же не стоит на месте. Некоторые государства уже ввели в уголовно-процессуальное законодательство такое понятие как «электронное уголовное дело». Данное понятие включает в себя систему формирования материалов по уголовному делу в

⁴⁰ Шарипов, Т.Ф. К вопросу раскрытия финансово-правовых схем преступления / Т.Ф. Шарипов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 3. (178). – С. 148.

электронном формате, использование которых происходит посредством удалённого доступа⁴¹.

Безусловно, российский уголовный процесс отстает от других государств в части введения информационных технологий. Одними из первых, кто ввёл электронный формат ведения уголовного дела, стали Соединённые Штаты Америки. Ещё в 1997-м году началась работа по введению электронного формата производства по некоторым категориям уголовных дел, в дальнейшем данная практика распространилось на все уголовные дела. Наиболее очевидными плюсами применения электронного документооборота в уголовном процессе стали: сокращение сроков расследования, оптимизация ресурсов, к которым относятся как кадровые, так и материальные, кратное снижение издержек при производстве, облегчённый доступ граждан и субъектов расследования к материалам.

По мере использования электронного документооборота были выявлены и исправлены многие ошибки и недостатки, в конечном итоге были созданы федеральные правила уголовного процесса. Данные правила закрепили особенности подачи материалов суд, критерии допустимости доказательств в электронном виде и т.п.

Помимо прочего, за счёт введения общей базы данных о лицах, средствах преступления и многого другого стала возможной и упрощенная, ускоренная проверка различной информации с использованием указанных баз данных⁴². Для функционирования базы данных расследуемых преступлений было разработано новое программное обеспечение – единая платформа (Case Management and Electronic Case Files). Получение доступа осуществляется посредством использования индивидуальных логина и пароля сотрудника органа расследования.

⁴¹ Пастухов, П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США / П.С. Пастухов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4. – С. 81-87.

⁴² Дружинин, М.Р. Электронный документооборот в уголовном процессе зарубежных стран / М.Р. Дружинин // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 1068-1080.

США – не единственная страна, которая достигла прогресса в данном направлении. Не так давно ФРГ ввела в действие ряд изменений в процессуальное законодательство. В 2017-м году вступил в силу закон, который в переводе звучит как «О введении электронного документооборота в уголовное судопроизводство и дальнейшем развитии электронных правовых отношений»⁴³. Общий вектор, которому следует система электронного документа оборота в Германии, соответствует вектору США, но есть отличительные особенности. К таковым можно отнести нормативное правило о заключении органами уголовной юстиции договора с коммерческой организацией, подтвердившей свою квалификацию в части оказания услуг по информационному и сервисному обеспечению.

Законодательство Германии содержит требование о хранении всех доказательств в электронном виде; распечатка каких-либо материалов допускается только в крайнем случае. При такой постановке вопроса любые физические (материальные) или идеальные доказательства подлежат фиксации только в электронном формате посредством создания электронных документов, фотографий или сканов. Кроме того, закон содержит требования к качеству этих материалов, к возможности проверки подлинности и даже к качеству изображения⁴⁴.

Наиболее близким для нас как территориально, так и по уровню развития информационных технологий является опыт Казахстана. В УПК РК, так же, как и в Германии в 2017-м году были введены положения об электронном документообороте при расследовании уголовных дел. Отличительной чертой стало то, что процессуальное законодательство

⁴³ Официальный текст Закона «О введении электронного документооборота в уголовное судопроизводство и дальнейшем развитии электронных правовых отношений» // URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start_xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s2208.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s2208.pdf%27%5D__1602747183616 (дата обращения 15.02.2022).

⁴⁴ Зазулин, А.И. Нормативное обеспечение электронного документооборота в уголовном судопроизводстве: опыт ФРГ / А.И. Зазулин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4 (19). – С. 76-80.

Казахстана предполагает возможность производства по уголовному делу как в электронном, так и в бумажном формате. Нормы, регулирующие ведение уголовного дела в электронном формате, содержат в себе положение о электронной подписи или направлении материалов различным государственным органам. Основной блок норм, регулирующих электронный документооборот при расследовании уголовных дел в Казахстане, содержится в инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате⁴⁵.

Наиболее интересным и вполне применимым в рамках российского уголовного процесса видится опыт Швейцарии. Так при сохранении классического бумажного документооборота УПК Швейцарии предполагает возможность упрощения некоторых функций посредством использования информационных технологий. К примеру, срок считается соблюденным, если файлы в электронном формате получены не позднее крайнего дня, установленного законом. При этом наиболее важные документы, такие как постановление, обвинительное заключение, приговор суда издаются исключительно в печатном виде⁴⁶.

Резюмируя вопросы внедрения зарубежного опыта в отечественное уголовно-процессуальное законодательство, следует отметить, что это – наиболее быстрый и качественный способ модернизации правовой системы. Использование зарубежного опыта позволяет «пропустить» стадию апробации и исправления критических ошибок. Рассмотрев опыт введения норм об электронном документообороте в различных странах, мы можем сделать вывод, что оптимальным вариантом цифровизации уголовного судопроизводства является постепенное внедрение норм,

⁴⁵ Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате (изменения на 3 января 2018) URL: https://tengrinews.kz/zakon/generalnaya_prokuratura_respubliki_kazahstan/su_doppoizvodstvo/id-V1800016268/ (дата обращения 15.02.2022)

⁴⁶ Трефилов, А.А. Информатизация уголовного процесса Швейцарии / А.А. Трефилов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 2. – С. 88-91.

позволяющих использовать информационные технологии для упрощения производства по уголовным делам. Первым шагом может стать возможность взаимодействия государственных органов посредством направления файлов в электронном формате, что ускорит процессы взаимодействия, координации, осуществления процессуального контроля и надзора в несколько раз. Наиболее важным при этом является соблюдение прав граждан. Упрощение процессуальных механизмов не должно повлиять на ущемление законных интересов всех участников уголовного судопроизводства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В вопросе оценки текущего состояния уголовного судопроизводства в Российской Федерации следует отметить, что российское уголовно-процессуальное законодательство находится в динамике, оно изменяется, дополняется и усовершенствуется постоянно.

Вместе с тем, ряд законодательных решений, призванных решить проблемы, по существу только усугубляет положение дел. Как нам кажется, законодатель не успевает достаточно адекватно реагировать на постоянно изменяющиеся обстоятельства, в которых применяется уголовно-процессуальный закон, в частности, на процессы информатизации и цифровизации всех сфер социальной деятельности, что, в свою очередь, обусловлено осознано выбранным (или сложившимся случайно) вектором развития уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации.

С развитием научно-технического прогресса тесно связан процесс развития процессуальных отраслей законодательства. На наш взгляд, законодатель должен если не предвосхищать внедрение новых технологий, то, во всяком случае, быть к ним готовым. Речь идет о научной проработанности вопроса и готовности адаптировать законодательство к новым технологиям как в части применения их для оптимизации уголовно-процессуальной формы, так и в части готовности противодействовать применению их злоумышленниками.

Рассмотрение конкретных актуальных проблемы современного уголовно-процессуального законодательства привело нас к двум выводам.

Временной момент и основания вступления защитника в уголовный процесс практически доведены до идеала в части законодательной регламентации, чего нельзя сказать о должном практическом применении этих норм.

Анализ законодательных положений, регламентирующих порядок изъятия ЭНИ в ходе расследования преступлений в сфере экономической деятельности, показывает их явно слабую теоретическую проработанность и недостаток точных формулировок.

Подытоживая рассмотрение направления и способов решения обозначенных конкретных проблем современного уголовно-процессуального законодательства, считаем целесообразным отметить, что порядок изъятия ЭНИ нуждаются в изменении законодательной регламентации в сторону послаблений в правовом урегулировании и предоставления большей свободы действий субъектам, производящим расследование.

Относительно ситуации с допуском защитника в уголовный процесс мы не считаем необходимым введение корректив в законодательные положения. Теоретически, некоторые изменения в УПК РФ могут закрыть ряд небольших пробелов в этом вопросе, но фактически эти попытки, с высокой степенью вероятности, могут создать новые риски нарушения прав граждан на защиту или наложить на должностных лиц органов предварительного расследования обязанности, исполнение которых окажется невозможным в реальной практической ситуации.

Определяя направления, перспективы и стратегию развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, подчеркнём, что речь идёт о базовом своде принципов, на которых основана стратегия: 1) реструктуризация текущей законодательной базы; 2) использование зарубежного опыта; 3) оптимизация соответствия законодательной базы с реальными возможностями правоохранительных органов.

Полагаем одним из наиболее быстрых и качественных способов модернизации правовой системы внедрение зарубежного опыта в отечественное процессуальное законодательство, позволяющего «пропустить» стадию апробации и исправления критических ошибок.

Рассмотрев опыт введения норм об электронном документообороте в уголовное судопроизводство различных стран, мы делаем вывод, что наиболее оптимальным вариантом является постепенное внедрение норм, позволяющих использовать информационные технологии для упрощения производства по уголовным делам. Первым шагом может стать возможность взаимодействия государственных органов посредством направления файлов в электронном формате, что ускорит процессы взаимодействия, координации, осуществления процессуального контроля и надзора в несколько раз. Вместе с тем, упрощение процессуальных механизмов не должно повлечь ущемление прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

Монографии, учебники, учебные пособия

4. Березина, Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ / Л.В. Березина, В.М. Быков. – Казань, 2006.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004 г.
6. Ситников, А.И. Законодательная текстология уголовного права: монография / А.И. Ситников. – М., 2011.
7. Современный словарь иностранных слов. – СПб., 1994.
8. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцика. – М.: Проспект. 2018.

Научные публикации и статьи в периодических изданиях

1. Адаменко, В. Процессуальное положение защитника обвиняемого / В. Адаменко // Проблемы охраны прав граждан сфере борьбы с преступностью. – Иваново, 1980.
2. Александров, А.С. Забыть Фойницкого? / А.С. Александров // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. мат-лов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого, г. Санкт-Петербург, 11–12 окт. 2007 г. – М., 2008.

3. Васюков, В.Ф. Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий: новеллы законодательства и проблемы правоприменения / В.Ф. Васюков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 2.

4. Волеводз, А.Г. О необходимости имплементации в УПК РФ международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 3.

5. Володина, Л.М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства — снова нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности / Л.М. Володина // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 2 (42).

6. Гаврилин, Ю.В. Собираание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы / Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 3.

7. Дружинин, М.Р. Электронный документооборот в уголовном процессе зарубежных стран / М.Р. Дружинин // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9.

8. Зазулин, А.И. Нормативное обеспечение электронного документооборота в уголовном судопроизводстве: опыт ФРГ / А.И. Зазулин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4 (19).

9. Клевцов, К.К. Совместные (международные) следственные группы – новое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы развития / К.К. Клевцов // Бизнес в законе. – 2015. – №2.

10. Лавров, В.П. Пробелы в УПК РФ / В.П. Лавров // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2.

11. Медведева, В.В. Использование в уголовном процессе электронных документов как тенденция развития современной модели судопроизводства /

В.В.. Медведева, А.А. Торовков // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (35).

12. Мозговенко, С.Д. Современное назначение уголовного процесса Российской Федерации / С.Д. Мозговенко // Научный журнал NovaUm.Ru – 2021. – № 34.

13. Овсянников, И.В. Уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемого / И.В. Овсянников // Юридический мир. – 2005. – № 10.

14. Пастухов, П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США / П.С. Пастухов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4.

15. Попов, К.И. Назначение уголовного судопроизводства / К.И. Попов // Вестник Уральского ин-та экономики, управления и права. – 2016. – № 4 (37).

16. Стойко Н.Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость / Н.Г. Стойко // Российский следователь. – 2006. – № 4. – С. 12–15

17. Судницын, А.Б. Отдельные процессуальные и организационные особенности изъятия и хранения электронных носителей информации при производстве по уголовным делам А.Б. Судницын // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 1 (22).

18. Супрун, С.В. Назначение уголовного процесса и задачи уголовного права / С.В. Супрун // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ.конф. / отв. ред. И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. – Омск: 2017.

19. Томин, В.Т. Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования / В.Т. Томин // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого, г. Санкт-Петербург, 11–12 окт. 2007 г. – М., 2008.

20. Трефилов, А.А. Информатизация уголовного процесса Швейцарии / А.А. Трефилов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 2.

21. Химичева, О.В. УПК РФ: реформа продолжается / О.В. Химичева // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2.

22. Цуканов, И.Н. К вопросу об изъятии электронных носителей информации при производстве следственных действий / И.Н. Цуканов, А.Л. Карлов // Алтайский юридический вестник – 2019. – № 4 (28).

23. Шарипов, Т.Ф. К вопросу раскрытия финансово-правовых схем преступления / Т.Ф. Шарипов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – №3. (178).

24. Ядгаров, Я.С. Развитие рыночной экономики в России / Я.С. Ядгаров, В.В. Сидоров, В.В. Ильин // Российской экономической вестник. – 2019. – № 4.

25. Язева, Е.Е. Законодательная регламентация форм предварительного расследования в уголовном процессе РФ и Республики Беларусь: тенденции и пути развития / Е.Е. Язеева // Актуальные проблемы уголовного права и на современном этапе. – 2021. – № 10.

26. Якимович, Ю.К. Проблемы и перспективы дифференциации уголовного судопроизводства / Ю.К. Якимович // Уголовная юстиция. – 2015. – № 2 (6).

27. Яненко, Е. Размышления у парадного фасада УПК / Е. Яненко // Российская юстиция. – 2002. – № 12.

Авторефераты и диссертации

28. Лисицин, Р.Д. Защитник подозреваемого на стадии предварительного расследования / Р.Д. Лисицын. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.

29. Попов, А.П. Целеполагание в отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.П. Попов – Н.- Новгород, 2006.

Интернет-ресурсы

30. Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате (Генеральная прокуратура Республики Казахстан : https://tengrinews.kz/zakon/generalnaya_prokuratura_respubliki_kazahstan/su/doppoizvodstvo/id-V1800016268/ (дата обращения 15.02.2022).

31. Официальный текст Закона США «О введении электронного документооборота в уголовное судопроизводство и дальнейшем развитии электронных правовых отношений» // URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s2208.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s2208.pdf%27%5D__1602747183616 (дата обращения 15.02.2022).

Материалы судебной практики

32. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. №11-П // СПС КонсультантПлюс.

33. Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22к-1546/2020 от 12 августа 2020 г. по делу № 3/10-24/2020 // СПС КонсультантПлюс.

34. Постановление ЕСПЧ от 26 мая 1993 г., Бранниган и МакБрайд против Соединенного Королевства // СПС КонсультантПлюс.

Международно-правовые акты

35. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1998 г.) // СПС КонсультантПлюс.

36. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.

37. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.

38. Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписана в г. Страсбурге 08.11.2001 г.) [Российская Федерация не участвует] // СПС КонсультантПлюс.